

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«РЮССЯ»

Русские беженцы в Финляндии оказались в особой ситуации, существенно отличавшейся от положения эмиграции в остальных регионах Европы: отношение к русским в Финляндии с пореволюционных лет и до середины 1940-х годов было, мягко говоря, недружелюбным. Чтобы понять жесткость политики финских властей по отношению к русской эмиграции и психологические корни устойчивого словообразования «*gyssäviha*» — «ненависть к русскому», до сих пор существующего в языке и сознании финнов, нужно совершить экскурс в далекое прошлое. Начиная с середины XII века Шведское королевство и Новгородское княжество вели борьбу за господство над северными территориями и выход к Балтийскому морю. Именно тогда шведы предприняли свой первый крестовый поход в Финляндию, якобы с миссионерскими целями, затем состоялось еще несколько таких же завоевательных экспедиций, и к концу XIII века почти вся Финляндия была покорена шведами. Восточная провинция, как называли страну Суоми шведы, стала ареной противостояния Востока и Запада, Византии и Рима, православия и католичества — и естественным плацдармом военных действий между Швецией и Россией. Финнов как подданных шведской короны рекрутировали в шведскую армию. Соприкосновение финнов с русскими в течение нескольких столетий выражалось в основном в вооруженных конфликтах, возникавших на территориях Финляндии и Северо-Запада России. Жители приграничных областей обеих стран жили в постоянном страхе нападения соседей. Войны велись почти непрерывно. Они даже получили у финнов характерные названия. Войну в конце XV века между Московским княжеством и Швецией называют «Старая вражда», 25-летнюю войну Швеции против России в XVI веке — «Долгая вражда». Войну 1700–1721 годов, которая в мировой историографии называется Великой Северной войной, финны именуют «Великой враждой»: войска Петра I оккупировали территории, населенные финскими племенами, отряды казаков совершали опустошительные набеги вглубь Финляндии, вплоть до берегов Ботнического залива.

Убийство мирных жителей, поджоги и насилие, угон женщин и детей в рабство были тогда обычными способами ведения войны. Период с 1713 по 1721 год запечатлелся в исторической памяти финнов как один из самых страшных в их истории. Последующая Шведско-русская война 1741–1743 годов была «Малой враждой». Видимо, слово «*gyssä*»¹ во время этих бесконечных военных конфликтов стало ассоциироваться с понятием «враг». Память о трагических событиях трехсотлетней давности живет не только в архивных документах и исследованиях историков, но и в устной традиции — легендах и сказках, особенно в Остроботнии — области на западе Финляндии, наиболее пострадавшей во время «Великой вражды». Понятие «*gyssäviha*» как враждебное отношение ко всему русскому вновь вошло в обиход в 1918 году во время гражданской войны в Финляндии на волне националистической пропаганды белых финнов.

Отношение к России и русским существенно изменилось в начале 1800-х годов, когда после наполеоновских войн и передела европейских границ восточные территории Шведского королевства присоединили к Российской империи как Великое княжество Финляндское. В крупных городах появились русские купцы и ремесленники, получавшие вместе с разрешением на торговлю право подданства Великого княжества. Вначале число их было невелико, ибо финские коллеги всячески препятствовали их внедрению, но причиной тому была не русофобия, а естественная боязнь конкуренции. Особенно потеплело отношение финнов к пришельцам из России в период царствования императора Александра II, когда Финляндия, и до того пользовавшаяся правами автономии, получила ряд дополнительных привилегий — в то время как Польша, напротив, подверглась жесткому силовому давлению метрополии. Привилегии, дарованные Великому княжеству, в немалой степени диктовались стремлением России нивелировать все еще заметное шведское влияние. Указом императора Александра II в 1863 году финскому языку был придан статус официального, наравне со шведским. Это стимулировало бурное развитие финской национальной литературы и культуры в целом. В 1865 году была введена в оборот собственная денежная единица — финская марка, начала развиваться промышленность, строились железные дороги. В 1878 году была основана финская армия, причем условия в ней существенно отличались от российских: срок службы

¹ *Ryssä* (от шведск. *rys* — русский) — презрительная кличка русских в Финляндии.

равнялся трем годам, а воинская повинность охватывала лишь 10% финнов призывного возраста. Близкий Санкт-Петербург привлекал подданных Великого княжества Финляндского своими возможностями. Финская элита посылала дочерей в институты благородных девиц, а сыновей — в военные и гражданские учебные заведения российской столицы, и многие сделали в России блестящую карьеру. Финские крестьяне везли в Петербург и его окрестности свою продукцию, ремесленники и рабочие ехали туда на заработки. Постепенно многие выходцы из Финляндии поселились там, и в Петербурге возникла многочисленная финская диаспора со своими церковными приходами и школами. Параллельно увеличивалось и русское население в Великом княжестве Финляндском. Российские гарнизоны вносили оживление в монотонную жизнь провинциальных городов, появились театры и рестораны, построенные для русских офицеров, гастролировали российские и иностранные музыканты и театральные труппы. Возводились административные здания и православные храмы. В стране обосновались русские священнослужители, учителя и врачи, появились русские школы и благотворительные общества. Жители Петербурга строили или арендовали дачи на Карельском перешейке. Финская интеллигенция зачитывалась русской литературой, русские и финские художники устраивали совместные выставки. В этот период контакты финнов с русскими жителями Финляндии были вполне мирными, даже дружественными.

Взаимопонимание продолжалось до 1890-х годов, когда автономное положение Финляндии вступило в противоречие с имперскими интересами России. При императоре Александре III начался постепенный процесс русификации; в царствование Николая II он принял последовательный характер. Конец согласию между Великим княжеством Финляндским и метрополией положил царский манифест февраля 1899 года, в соответствии с которым законы общероссийского значения стало возможным проводить в Финляндии без обязательного согласования с сословным сеймом или сенатом, даже если законы эти противоречили финскому законодательству. Финны восприняли это как удар по автономии и нарушение законности, поскольку привилегии, данные двумя императорами, Александром I и Александром II, практически отменялись. «Языковой манифест», обнародованный в 1900 году по инициативе финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова¹, предусматривал в те-

¹ Бобриков Николай Иванович (1839–1904) — генерал от инфантерии,

чение 10 лет замену шведского и финского языков на русский в органах управления и судебных инстанциях. Губернаторов обязали использовать русский язык с 1901 года, а первое русскоязычное заседание сената состоялось в 1903-м. Национальные вооруженные силы в 1901 году были упразднены и присоединены к российской армии. Впрочем, финны настолько масштабно бойкотировали призывную кампанию 1902 года, что воинская повинность для них была заменена так называемыми военными миллионами — ежегодным налогом в 10 млн марок¹. Все это вызывало внутренний протест во всех слоях населения, рост сепаратистских настроений и как следствие — зарождение националистических организаций. Вновь ожила неприязнь к «рюсся».

Конфликт набирал обороты. За убийством генерал-губернатора Бобрикова в июне 1904 года последовало в 1905 году еще несколько терактов, причем жертвами стали не только российские чиновники и жандармы, но и несколько финнов, которых считали соглашателями. На российскую революцию 1905-го Финляндия откликнулась забастовками и волнениями, продолжавшимися больше года. Правительству пришлось пойти на уступки: действие вышеупомянутых реформ приостановили. Но былой лояльности к имперским властным структурам не было и в помине. Финны — не только рабочие, но и интеллигенты, аристократы и даже полицейские — укрывали в своих домах революционеров (в том числе Ленина и Зиновьева), помогали российским социал-демократам перевозить запрещенную литературу и оружие. Неслучайно первая конференция РСДРП (в декабре 1905 года) состоялась в Таммерсфорсе (Тампере). Все это, естественно, дало правительству России повод к более решительному наступлению на автономные права Финляндии, достигшему апогея к началу Первой мировой войны. Сепаратистские организации отреагировали на это прямой государственной изменой, завязав контакты с Германией, чтобы с ее помощью подготовить национальные военные кадры для антироссийского вооруженного восстания. Батальон тайно завербованных молодых финских добровольцев-егерей про-

член Государственного совета, финляндский генерал-губернатор, командующий войсками Финляндского военного округа в 1898–1904 гг.; проводил жесткую политику русификации. 3 июня 1904 г. в Хельсинки молодой чиновник сената Эуген Шауман (1875–1904) тремя выстрелами смертельно ранил его, а затем покончил с собой.

¹ Финляндия выплатила этот налог только один раз — в 1905 г.

шел военную подготовку в немецкой армии и участвовал в боевых действиях на стороне Германии. Предполагалось, что, вернувшись на родину, егеря встанут в авангарде борьбы против империи, но большевистский переворот в России и обретение Финляндией независимости сделали масштабное освободительное восстание ненужным.

Напряженная атмосфера в недавней метрополии разрешилась вооруженным конфликтом и в Финляндии: в январе 1918 года в стране вспыхнула гражданская война — резонанс российских революционных событий. В это время в Финляндии находились значительные воинские соединения российской армии. В районах Выборга, Таммерсфорса и Або (Турку) дислоцировались части 42-го армейского корпуса. Суда Балтийского флота базировались в Гельсингфорсе, а на линии Свеаборг — Таммисаари — Ханко — Аландские острова находились береговые войска. Началом боевых действий принято считать захват Гельсингфорса отрядами красных финнов 27 января 1918 года. В действительности вооруженные столкновения между отрядами шюцкора¹ и красными начались уже в середине января 1918-го, а точнее — 19 января, когда шюцкоровцы на узловой железнодорожной станции Тааветти воспрепятствовали переброске из Петрограда оружия для красных повстанцев². Боевые действия со стороны финских белых начались 28 января с разоружения русских гарнизонов, дислоцированных на западе Финляндии. В официальной историографии гражданскую войну между белыми и красными финнами долгое время именовали «освободительной», поскольку белые победители подчеркивали, что основной целью являлось освобождение страны Суоми от российского присутствия. Значение классового и идеологического противостояния внутри финского общества и разделение его на два враждебных лагеря старались нивелировать, что и понятно — гражданское согласие было одним из условий существования независимого государства. Во время этой междоусобной войны ненависть к России и русским подогревалась в рядах Белой армии тем, что именно отсюда проникала в Финляндию революционная пропаганда, и тем, что большевики помогали красным финнам оружием и боеприпасами.

¹ *Шюцкор* — добровольные отряды самообороны, сформированные активистами для вооруженной борьбы с российскими войсками; составили позднее костяк Белой армии генерала барона Маннергейма.

² См.: *Manninen O.* Perustuslaki ja laillisuus murhenäytelmän taustalla 1918 // *Sotilasaikakauslehti*. 2018. № 1.

Кроме того, в боевых действиях на стороне красных на начальном этапе войны участвовало в общей сложности 10–15 тысяч русских, в том числе красногвардейцы из Петрограда. Поводов для вражды к русским появилось достаточно, к тому же *gussäviha* раздувалась пропагандой активистов-националистов. Уже в конце гражданской войны белые финны расстреляли в Выборге несколько сотен русских, не разбираясь в их политических взглядах. Среди них были не только офицеры и гимназисты, носившие форму, напоминавшую военную, но и штатские местные жители и даже уроженцы Финляндии, единственное преступление которых — русская речь. *«Смерть русским — будь они какого угодно цвета!»* — так три года спустя лютеранский священник Симойоки, активист националистического движения, сформулировал иррациональную ненависть к *gussä*. Эта уничижительная кличка русских часто встречается в документах сыскной полиции Финляндии и в личной переписке должностных лиц, используется почти официально. Тут сказывалась и давняя, укорененная в исторической памяти финнов неприязнь к опасному соседу, народу чуждой религии и культуры. Словом, русские, невзирая на их социальное положение и политические убеждения, были в Финляндии на рубеже 1920-х годов нежелательными пришельцами, и власти относились к беженцам из России с предубеждением.

Получить финскую визу в дипломатическом представительстве в Петербурге было чрезвычайно трудно, но нелегально перейти ближайшую границу на Карельском перешейке оказалось возможным. Пограничные войска Финляндии находились на стадии формирования, граница с обеих сторон охранялась не по всей линии, и среди местного населения по обе стороны границы находились проводники-контрабандисты, готовые за приличную сумму провести беженцев тайными тропами через болота и леса или перевезти на лодке через залив в Финляндию. А там на перегруженных пограничных пунктах Карельского перешейка первое время царил хаос. Случалось, солдаты пограничного батальона грабили состоятельных беженцев, имевших с собою значительные суммы денег или драгоценности, и затем отвозили обратно к границе, под ружейным дулом заставляя вернуться на российскую сторону. Были и случаи убийства с целью ограбления. Тех, кто добрался невредимым до контрольного пункта, отправляли в карантин — ожидать решения своей судьбы. Чаще всего разрешение на пребывание в стране выдавалось на неделю или две.

Еще и в 1921–1922 годах всех прибывших на пограничный пункт без официального разрешения с помощью контрабандистов через неохраемые участки границы — так называемые «окна» — принуждали вернуться на российскую территорию. Тысячи нелегальных беженцев депортировали в Советскую Россию, хотя было хорошо известно, что многих ожидало заключение или гибель. По официальным данным на 1920 год, в Финляндии проживали 7 тысяч русских беженцев, но в действительности их было гораздо больше: многие находились здесь нелегально или по просроченной визе. Чтобы защитить себя, люди искали влиятельных знакомых. Не раз обращались с просьбами о ходатайстве и к генералу Маннергейму. В начале 1922 года Маннергейм получил письмо дочери бывшего сослуживца:

12 января 1922 S-Michel (Миккели)

Многоуважаемый
барон Густав Карлович!

Мой отец, Николай Васильевич Подлесский, сообщил мне, что обратился к Вам с просьбой оказать мне и моему мужу, Борису Нагорнову, Ваше содействие.

С своей стороны, бесконечно извиняясь за причиняемое Вам беспокойство, покорнейше прошу Вас помочь нам Вашим поручительством в нашей политической благонадежности. Дело в том, что Советским Правительством был послан запрос Финляндскому Правительству о высылке нас обратно в Россию, что грозит нам неизбежной гибелью, и Ваше поручительство может спасти нас от этого.

Папа пишет мне, что убежден в том, что Вы не откажете нам в нашей общей просьбе.

Кира Нагорнова.¹

У этого письма не совсем обычная предыстория. В начале сентября 1921 года к берегу острова Мантсинсаари на финском побережье Ладожского озера причалила парусная яхта. Финские пограничники задержали находившихся на ней семерых мужчин и двух женщин. «Яхтсмены» утверждали, что их яхту занесла к финским берегам

¹ SKA. Grensholm-kokoelma. K. 5. *Подлесский Николай Васильевич* (1864–1928) — отец Киры, выпускник Николаевского кавалерийского училища, сослуживец генерала барона Маннергейма по Офицерской кавалерийской школе в Петербурге, находился в эмиграции в Чехословакии.

буря и они нарушили границу случайно. Но было ясно, что к рейсу в Финляндию они готовились: пограничники нашли на яхте запасы продовольствия, контрабандные товары и оружие. Всех девятерых препроводили в Выборгскую тюрьму. Это были: студентка театрального училища Кира Подлесская, студент Борис Нагорнов (отцу которого, состоятельному фабриканту, принадлежала яхта), приятель последнего — некий студент горного института, и племянник русского писателя и философа Д. С. Мережковского, профессор химии Борис Мережковский с женой. Четверо остальных — три механика и 25-летний железнодорожник Михаил Шилкин — отвечали, очевидно, за техническую часть рейса. Шилкин впоследствии закончил Высшую художественно-промышленную школу в Хельсинки и стал известным финским скульптором, художником по керамике.

В октябре заключенные «яхтсмены» пишут губернатору Выборгской губернии:

Не имея возможности объясниться по-русски с начальством тюрьмы, в которую нас заключили, мы просим Вас вызвать нас на допрос, где каждый из нас сможет дать подробные объяснения и сведения о себе на русском языке. <...> Просим разрешения написать письма нашим друзьям и родным с просьбой о помощи в наших делах, т. к., написав это прошение, нам не разрешают в течение недели никому больше писать. <...>

Моральное состояние наше ужасное. Для большинства возвращение в Россию к большевикам грозит расстрелом и тюрьмой, а мы видим, что нас не понимают — думают, что мы большевики и хотим ехать обратно.

Господин Губернатор, мы Вас просим возможно скорее допросить нас и успокоить в наших несчастьях и не выдавать коммунистам на смерть.

Если у Нагорного отец живет в Швеции, то он просит разрешить ему хлопотать у Шведского правительства въезд в Швецию для себя, К. Подлесской и М. Шилкина; а Мережковский для себя, жены и Л. Шубникова хлопотать разрешение на въезд во Францию к дяде — писателю Д. Мережковскому.¹

Это обращение подписали все участники побега. Двое из них были уроженцами и гражданами Эстонии, им разрешили выехать на

¹ ЛОГАВ. Выборгское губернское правление. Ф. 1. Оп. 6. Д. 124. Л. 1.

родину. Разрешили выехать во Францию и супругам Мережковским. Остальным удалось остаться на какое-то время в Финляндии. Кира Подлеская и Борис Нагорнов успели даже обвенчаться, но уже в январе 1922 года оказались в отчаянном положении — им грозила депортация в Россию. Мольба о помощи не осталась без ответа: именно Маннергейм, по всей вероятности, помог чете Нагорновых. Кира Нагорнова жила в Хельсинки по крайней мере до Второй мировой войны — рапорт осведомителя, где упоминается о ее неблагонадежности и прокоммунистических симпатиях, хранится в документах ВАЛПО начала 1940-х годов. Она, похоже, была экстравагантной особой и не слишком считалась с условностями: «Родившаяся в обстановке роскоши в Петербурге... Кира Нагорнова манерой одеваться или вести себя не нарушала общепринятых понятий о женственности. Однако ее речь... была нарочито непринужденной и не всегда отвечала тому, что ожидали услышать из женских уст. Она работала вышивальщицей в ателье мод ИКА и одно время также, как мне помнится, в ателье универмага Стокман, и обращала там внимание своей раскрепощенной манерой выражаться. Она охотно употребляла пословицы. Любимым ее замечанием по поводу чьей-либо неудавшейся попытки было: „Шире ж...ы не пе...нешь“»¹.

Власти новорожденной республики всеми способами старались избавиться от русских беженцев, особенно от бывших царских офицеров. Запрещали ношение русской военной формы, хотя зачастую это была их единственная одежда. Считалось, что все русские офицеры — монархисты, сторонники «единой и неделимой России» (что, впрочем, недалеко от истины). И когда в начале 1919 года начали вербовать в Северо-Западную армию генерала Н. Н. Юденича и Северную армию генерала Е. К. Миллера², финское правительство

¹ *Flinckenberg-Gluschkoff M. Pietarilainen polkuhevonen. Helsinki, 2013 (Флинкенберг-Глушков М. Петербургская педальная лошадка). Перевод цитаты с финского языка Э. Иоффе.*

² *Юденич Николай Николаевич (1862–1933) — русский военный деятель, окончил Александровское военное училище в Москве (1881) и Академию Генштаба (1887), командир 18-го стрелкового полка (1902), командовал полком во время Русско-японской войны, генерал-майор (1905), генерал-лейтенант (1912), генерал от инфантерии и командующий Кавказской армией (1915), в 1917 г. участвовал в работе Государственного совещания. В январе 1919 г. Юденич с женой прибыл в Финляндию, установил связь с Русским политическим совещанием в Париже и Верховным правителем адмиралом Колчаком в Сибири, который назначил Юденича главнокоман-*

охотно поддержало этот проект. В газете «Северная жизнь», которую выпускал «Особый комитет по делам русских в Финляндии»¹, появилось объявление о записи добровольцев в Белую армию. Вербовкой руководил уполномоченный Юденича генерал-лейтенант А. А. Гулевич². По его поручению жившие в Финляндии старшие офицеры проводили запись и регистрацию русских офицеров-добровольцев в городах и поселках — Келломяки, Териоки, Мустамяки, Уусикиркко, Кякисалми³, Сортавала, Лаппеенранта, Хамина и Миккели. При регистрации заполнялась анкета, включавшая 11 пунктов. При вербовке офицеры подписывали обязательство беспрекословно подчиняться приказам Военного управления и воевать на любом фронте против большевиков. После этого им выдавали небольшую сумму денег на проживание и поселяли в бывших пансионатах и санаториях на полном обеспечении⁴. В октябре 1919 года был издан приказ Юденича о призыве на военную службу всех способных носить оружие русских подданных, проживающих в Финляндии. Призывной пункт организовали на станции Перкъярви⁵ Выборгской губернии. После того как Белые армии, в том числе и Северо-Западная армия Юденича, потерпели поражение, большая часть завербованных в Финляндии офицеров выехала в другие страны. Вернулись немногие — те, кто был как-то связан с Финляндией, родился или проживал там до 1917 года или имел давно живших там родственников.

дующим на Северо-Западном фронте. Организовал осенью 1919 г. наступление белых на Петроград, окончившееся неудачей. В январе 1920 г. Юденич объявил о роспуске Северо-Западной армии; жил в эмиграции во Франции.

¹ «Особый комитет по делам русских в Финляндии» — организация, созданная в Финляндии в 1918 г. с разрешения властей с целью правовой защиты русских беженцев.

² *Гулевич Арсений Анатольевич* (1866–1947) — военный теоретик; окончил 3-й Московский кадетский корпус и Александровское военное училище, выпущен в лейб-гвардии Финляндский полк подпоручиком; окончил Академию Генштаба (1892); с 1899 г. экстраординарный профессор Академии Генштаба; генерал-майор (1908), командир лейб-гвардии Преображенского полка (1908–1912); в 1909 г. зачислен в свиту его величества; генерал-лейтенант (1914); с июля 1914 г. начальник штаба 6-й армии, с августа 1914 г. начальник штаба 9-й армии. В 1919 г. представлял в Финляндии Н. Н. Юденича и заведовал русским Красным Крестом в Финляндии. Переехал в Париж в 1920 г.

³ Населенные пункты на Карельском перешейке; ныне переименованы соответственно в Комарово, Зеленогорск, Горьковское, Поляны, Приозерск.

⁴ ЛОГАВ. Ф. 506. Оп. 1. Ед. хр. 4.

⁵ Сейчас — Кирилловское.

К осени 1921-го большинство беженцев, оставшихся в Финляндии, стали мало-помалу обживать — миновал год с тех пор, как Гражданская война в России завершилась. И всем, кто «сидел на чемоданах» в надежде, что власть большевиков вот-вот рухнет и можно будет вернуться домой, пришлось распаковывать багаж и начинать ежедневную борьбу за существование. Это было нелегко по многим причинам. На административном уровне беженцам не только не помогали адаптироваться, но, напротив, старались сделать их пребывание в стране как можно менее комфортным. Стремясь контролировать все стороны жизни эмигрантов, Министерство внутренних дел в январе 1920 года специальным указом ограничило передвижение иностранцев внутри страны. На любую поездку нужно было получить особое разрешение в полицейском управлении по месту жительства.

Несмотря на трудности и бюрократические рогадки, русские эмигранты, получившие разрешение на пребывание в Финляндии, стремились наладить нормальную жизнь, устраивались на работу, создавали национальные организации и объединения. И что очень важно — почти всех их объединяла Православная церковь. Интегрироваться в финское общество русским беженцам было трудно не только из-за неприязненного отношения властей. Столь же серьезным препятствием был языковой барьер. Хотя многие эмигранты были людьми образованными и говорили на нескольких иностранных языках, редко кто знал финский или шведский. Знание хотя бы одного из этих языков было необходимо. Одновременно приходилось осваивать и новые профессии: бывший юрист играл на виолончели в оркестре кинотеатра, киевский фабрикант реставрировал старую мебель. В эмигрантских газетах публиковались самые разнообразные рекламные объявления, в которых предлагались уроки французского, итальянского, английского и латыни, зазывали клиентов в ателье мод и шляпные мастерские. Бывшие российские подданные, имевшие дачи или иную недвижимость в Финляндии, имели больше шансов получить вид на жительство. Но положение большинства из них все же было незавидным, мало кому удалось вывезти из России какие-то средства. Они бедствовали на своих дачах и, чтобы не умереть с голоду, продавали остатки имущества вплоть до постельного белья. Исключение составляли те немногие, кто еще до революции имел вложения в финские предприятия или банки.

Начиная с 1918 года Выборг и Гельсингфорс (как по старой привычке называли эмигранты столицу Финляндии) на короткое время

оказались важными центрами политической жизни русской эмиграции. В Финляндии нашли убежище известные российские политики и военные, бывшие министры царского и Временного правительств, банкиры и члены императорского дома: великий князь Кирилл Владимирович¹, генерал В. А. Сухомлинов², профессора В. Д. Кузьмин-Караваев³ и П. Б. Струве⁴, министры А. Ф. Трепов⁵, А. В. Карташёв⁶, В. Н. Коковцов⁷, художник Н. К. Рерих⁸, политик и журналист

¹ *Великий князь Кирилл Владимирович* (1876–1938) — сын великого князя Владимира Александровича, внук императора Александра II, двоюродный брат императора Николая II. В эмиграции с июня 1917 г.: сначала в Финляндии, откуда в 1920 г. переехал в Швейцарию, а затем в Германию.

² *Сухомлинов Владимир Александрович* (1848–1926) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета, военный министр (1909–1915), публицист, автор военных учебников. В мае 1918 г. бежал в Финляндию, после 1920 г. жил в Германии.

³ *Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич* (1859–1927) — генерал-майор, политический деятель, публицист, военный юрист, профессор Александровской военно-юридической академии, депутат I и II Государственной думы. В 1919 г. член Политического совещания при главнокомандующем Северо-Западного фронта Н. Н. Юдениче. В 1919 г. выехал из России, сначала жил в Швеции и Финляндии, с 1920 г. — во Франции.

⁴ *Струве Петр Бернгардович* (1870–1944) — философ, общественный деятель, экономист, историк, публицист, член II Государственной думы. В декабре 1918 г. перешел по льду в Финляндию, откуда выехал в январе 1919-го. В эмиграции во Франции.

⁵ *Трепов Александр Федорович* (1862–1928) — камергер двора, сенатор, член Государственного совета, министр путей сообщения (1915–1916), председатель Совета министров (1916). В 1918 г. бежал в Финляндию. Один из основателей и первый председатель «Особого комитета по делам русских в Финляндии», позже переехал в Германию, затем во Францию. Один из лидеров монархического крыла эмиграции.

⁶ *Карташёв Антон Владимирович* (1875–1960) — богослов, последний обер-прокурор Священного синода. В Финляндии с 1919 г., второй председатель «Особого комитета по делам русских в Финляндии» до июня 1920 г., после чего покинул Финляндию. В эмиграции во Франции.

⁷ *Коковцов Владимир Николаевич* (1853–1943) — член Государственного совета, министр финансов (1906–1914), председатель Совета министров (1911–1914). В ноябре 1918 года бежал в Финляндию, откуда вскоре выехал во Францию.

⁸ *Рерих Николай Константинович* (1874–1947) — художник, философ, путешественник-исследователь, писатель, общественный деятель.

И. В. Гессен¹. Все они к 1920 году выехали в другие европейские страны.

По инициативе бывших министров Трепова и Карташёва в Выборге был основан «Особый комитет по делам русских в Финляндии». Комитет, созданный с разрешения сената Финляндии, зарегистрировали в ноябре 1918-го, причем сенат выделил на его работу субсидию в 500 тысяч финских марок. Бежавшие из России банкиры и промышленники также спонсировали работу комитета. В 1919 году комитету был открыт кредит в Российской миссии в Стокгольме. Официально «Особый комитет» являлся представителем Совета послов² — правительства России в изгнании, находившегося в Париже. «Особый комитет» получал от Совета послов финансовую поддержку и служил связующим звеном между эмигрантами и властями Финляндии, осуществляя правовую и финансовую помощь беженцам. В первые три года своего существования комитет являлся средоточием антисоветской борьбы, и средства, предназначенные на помощь беженцам, шли в основном на поддержку Белой армии и антисоветских организаций в России.

Осенью 1918 года, когда в Советской России, и в особенности в Петрограде, поднялась волна Красного террора, «Особый комитет» начал развивать агентурные связи и маршруты для спасения и переброски в Финляндию бывших министров, военных высокого ранга, аристократов и членов дома Романовых. С переменой военной и поли-

С 1916 г. жил с семьей в Финляндии, в Сердоболе (финск. Сортавала); после революции Рерихи остались в Финляндии, в 1919 г. выехали в Англию.

¹ *Гессен Иосиф Владимирович* (1865–1943) — государственный и политический деятель, юрист и публицист, родился в еврейской семье, в 1894 г. крещен в православие, был близок к народолюбцам, в 1885 г. отбывал трехлетнюю ссылку. В 1905 г. участвовал в создании кадетской партии, член ЦК партии кадетов, депутат II Государственной думы. Эмигрировал в Финляндию, входил в Политический центр при штабе Н. Н. Юденича. Вскоре переехал в Берлин, где в ноябре 1920 г. основал с В. Д. Набоковым и А. И. Каминкой русскоязычную газету «Руль». В 1936 г. переехал в Париж, в 1941 г. — в США.

² *Совет послов (Министерство иностранных дел России за рубежом)* был создан во время Гражданской войны прежними российскими послами; первоначально был в подчинении адмирала А. В. Колчака, затем генерала П. Н. Врангеля; находился в Париже. Его многолетним председателем стал старейший из русских дипломатов в эмиграции М. Н. Гирс. В 1932 г. Совет послов возглавил В. А. Маклаков. К 1940 г. прекратил существование.

тической обстановки на фронтах Гражданской войны в России состав комитета постепенно менялся. В списке первоначальных членов-учредителей значились бывшие министры царского правительства, аристократы-монархисты самых правых воззрений. Но уже через пару месяцев, когда в Финляндию приехал генерал Н. Н. Юденич и «Особый комитет» принял участие в разработке планов захвата Петрограда, состав его изменился и значительно расширился. Туда вошли, кроме бывших министров и членов Государственной думы, представители партии кадетов, военные (включая Юденича), финансисты и промышленники, профессора и журналисты¹. После поражения армии Юденича состав и характер деятельности «Особого комитета» вновь изменились. Большая часть его членов уехала в Германию и Францию. А те, кто остался в Финляндии, продолжали участвовать в борьбе с Советами.

Профессор правоведения и бывший ректор Петербургского университета Давид Давидович Гримм² прибыл в Гельсингфорс в 1920 году как политический представитель генерала барона П. Н. Врангеля. После разгрома и эвакуации Русской армии Врангеля Гримм остался в Финляндии, чтобы возглавить финляндское отделение антибольшевистской организации «Национальный центр», действовавшей во многих городах России и связанной с руководством Белых армий³. Он занял пост председателя «Особого комитета», но фактически заведовал агентурной сетью на территории Финляндии, организуя рейды разведчиков и курьеров через границу, в Петроград. Через него шли также средства от Врангеля на поддержку работы этих организаций внутри советской России. Во время Кронштадт-

¹ ВА. Вох 6 («Особый комитет по делам русских в Финляндии»). Во втором списке членов «Особого комитета» после имени Д. Д. Гримма примечание: «...приехал от Врангеля и вступил в конфликт с Комитетом».

² *Гримм Давид Давидович* (1864–1941) — юрист, правовед, специалист по римскому праву, профессор, декан юридического факультета, ректор Петербургского университета, член ЦК кадетской партии. В феврале 1920 г. пересек границу с Финляндией. С конца 1920 г. представитель главнокомандующего Русской армией генерала барона П. Н. Врангеля и парижского Совета послов; принимал участие в работе «Национального центра», контактировал с кронштадтскими мятежниками и Таганцевской организацией; руководил газетой «Новая русская жизнь». В 1922 г. переехал в Прагу. Профессор правоведения Русского университета в Праге и Тартуского университета. Скончался в Риге.

³ Подпольные организации «Национального центра» на территории Советской России разоблачили уже в 1919 г., после этого возник и действовал «Тактический центр», также раскрытый и разгромленный в течение 1920 г.

ского восстания через Гримма поддерживалась связь кронштадтцев с подпольной «Петроградской боевой организацией», созданной молодым ученым Владимиром Николаевичем Таганцевым и ставшей известной в истории антисоветской борьбы как Таганцевский заговор. Ее членами были люди разных социальных слоев и политических взглядов — ученые и писатели, рабочие и военные. Всех участников заговора объединяла одна цель — свержение диктатуры большевиков и установление демократии. После подавления Кронштадтского восстания и бегства более 6500 восставших и их семей в Финляндию наиболее активная группа моряков через Гримма вновь наладила связи с Таганцевым. Несколько кронштадтцев нелегально перебросили в Петроград — боевой организации нужны были владеющие оружием смелые люди. Таганцевская организация была раскрыта благодаря предательству двоих из них. В ночь на 31 мая при переходе границы из Финляндии по их наводке был убит курьер Гримма Юрий Герман. Письма и документы, найденные у него, навели ВЧК на след организации Таганцева. В течение лета почти всех ее членов арестовали. Всего по делу проходило около 900 человек. К концу августа по делу о Таганцевском заговоре было расстреляно более 60 причастных к организации, среди них поэт Николай Гумилев, сам Владимир Таганцев и его беременная жена. Около тридцати участников были убиты при задержании. Так погиб Вячеслав Шведов, один из руководителей организации и одновременно курьер Гримма. Спасти удалось немногим, но были и счастливые исключения: один из членов организации, профессор-филолог Борис Сильверсван, успел бежать в Финляндию с женой и детьми на лодке через Финский залив¹.

Хотя большинство участников «Петроградской боевой организации» в июле–августе 1921-го уже было арестовано, деятельность финляндского отдела «Национального центра» продолжалась по-прежнему. Возможно ли, чтобы Давид Гримм не представлял себе масштаба катастрофы, постигшей организацию? По крайней мере, 26 июля он подписывает схему разведки и смету финляндского отдела «Национального центра» на информационно-разведывательную работу, т. е. на рейсы агентов в Петроград. Средства, поступающие из фонда Врангеля, расходовались на оплату курьеров и проводников, на дорожные расходы и содержание жилых помещений в Финляндии, где курьеры находились в ожидании перехода границы:

¹ *Сильверсван Борис* (1883–1934) — профессор-филолог, литературовед, историк, археолог, член редколлегии издательства «Всемирная литература». Эмигрировал в Финляндию, работал в Славянской библиотеке Хельсинкского университета.

Генеральный штаб Финляндии пользовался услугами тех же курьеров, что и «Особый комитет», — в большинстве своем бывших офицеров царской армии. По заданию отдела разведки Генштаба они ходили через границу в Советскую Россию и обратно. Когда в январе 1920 года МВД Финляндии запретило свободное передвижение иностранных граждан по стране, это самым неожиданным и несколько курьезным образом ударило по интересам финской военной разведки. Сам начальник Генерального штаба генерал Оскар Энкель¹ вынужден был позаботиться о том, чтобы его агенты могли путешествовать без лишних формальностей:

Генеральный штаб Хельсинки 4 июня 1920

Отдел V

СЕКРЕТНО

№ 862/20

Губернатору губернии Уусимаа

Генеральный штаб в отношении № 801/секр. 21/V/20 сообщил, что на службе у него состоят подданные России:

Герман, Юрий Павлович,

Толль, Анатолий Николаевич,

Болотов, Евгений Николаевич,

которым по вызову Генштаба нужно будет часто ездить в Хельсинки. Для получения разрешения на такие поездки Выборгское губернское управление прежде, чем выдать подобную справку, должно всегда обращаться в губернское управление Уусимаа, и такой порядок действий приводит к большой потере времени.

По этой причине прошу, чтобы Господин Губернатор согласился на то, чтобы Выборгское губернское управление имело право выдавать разрешения на поездки в Хельсинки уполномоченным Генерального штаба, имена которых сообщаются Господину Губернатору, и чтобы из Губернского

вич (1884–1921) — лейтенант, эмиссар Врангеля в Петрограде, упомянут в сообщении ВЧК от 29 августа 1921 г. «От Всероссийской чрезвычайной комиссии. Сообщение о раскрытии в Петрограде заговора против Советской власти» (газета «Известия» от 31 августа 1921 г.).

¹ *Энкель Оскар Пауль* (1878–1960) — генерал-лейтенант, сын директора Финляндского кадетского корпуса Карла Энкеля (1839–1921), окончил Финляндский кадетский корпус (1895), Академию Генштаба (1903), участник Русско-японской войны, с 1907 г. в управлении Генштаба, полковник (1912), с 1913 г. руководил делопроизводством разведки и контрразведки Генштаба, с 1914 г. военный атташе в Италии. После 1917 г. в Финляндии, начальник Генерального штаба Финляндии (1919–1924).

управления Уусимаа сообщили об этом в Выборгское губернское управление.

*Начальник Генерального штаба
Генерал-майор
О. Энкель*

*И. о. V-го отдела Генерального штаба
Капитан Хейкель.¹*

Генштаб также контролировал наиболее безопасные места перехода границы, так называемые окна, и заботился о доставке агентов в приграничную зону. Некоторые курьеры-эмигранты сотрудничали вдобавок с английской и американской разведкой. С курьерами переправлялись в советскую Россию деньги, документы, деловые и частные письма, листовки и эмигрантская печать. Обратно доставлялись сведения и для иностранных органов разведки, и в первую очередь для эмигрантских организаций. Эти молодые люди рисковали жизнью во имя белой идеи, а иногда и ради заработка. Походы в Россию для многих из них кончились арестом или смертью. Так погиб в возрасте 24 лет Юрий Герман (подпольная кличка — Голубь), а еще через четыре года — опытный разведчик Александр Старк.

После разгрома «Петроградской боевой организации» миссия Д. Д. Гримма в качестве представителя Врангеля и председателя Финляндского отдела «Национального центра» потеряла смысл. Решением заседания членов отдела от 18 мая 1922 года отдел был ликвидирован. Одновременно решили прекратить выпуск ежедневной газеты «Особого комитета» — «Новая русская жизнь»². Она выходила с конца 1919-го, и на ее страницах публиковались обзоры текущих событий в Советской России и других странах, статьи политиков (А. В. Карташёва, В. Д. Кузьмина-Караваева и др.) и писателей (А. И. Куприна, А. Амфитеатрова). Д. Д. Гримм переехал в Прагу, один из интеллектуальных центров русской эмиграции 1920–1930-х годов, где ему предложили профессуру в университете.

Финское учреждение внутренней безопасности — Сыскная полиция, или ЕК, — наблюдало за всем происходящим со стороны, не

¹ ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 74 С (пер. с финского; публикуется впервые).

² SKA. EK-VALPO. NM 2507. Vjörkelund (личное дело Б. Бьёркелунда; пер. с финского).

вмешиваясь в разведывательную деятельность русской эмиграции и походы ее агентов через границу. Зато внутри страны ЕК создала к середине 1920-х разветвленную сеть информантов в среде русской диаспоры и была подчас осведомлена о происходящем на границе и даже в самых отдаленных районах страны раньше, чем разведка Генштаба. И в последующие годы ЕК и ее преемница ВАЛПО (Государственная полиция) собирали информацию не только о деятельности, но и о личной жизни русских агентов Генштаба. Вот как в рапорте сыскной полиции характеризуется один из них:

...Борис Вольд<емарович> Бьёркелунд (род. 8.9.1893 в Хельсинки), бывший лейтенант русского флота времен царизма. Известно, что после окончания освободительной войны в Финляндии он служил в т. н. разведывательном отделе русских белых в Хельсинки, начальником которого являлся бывший генерал-майор Эуген Александр Хегстрём (род. 5.12.1871 в Хельсинки, ум. 1927). Этот отдел управлялся и контролировался секретной английской разведкой, или Intelligence Service. <...> Затем Бьёркелунд поступил на службу в разведывательный отдел Генерального штаба Финляндии или, по крайней мере, выполнял его поручения. Бьёркелунд раньше не пользовался доверием в эмигрантских кругах, от которых он самоизолировался. Характер Бьёркелунда был самоуверенным и даже вызывающим, и он умел искусно лгать. Постоянный посетитель ресторана в отеле «Kämp». ¹

Борис Бьёркелунд родился в Гельсингфорсе, воспитывался в Морском кадетском корпусе и, хотя был уроженцем Финляндии, в детстве не знал ни финского, ни шведского языка. Он начал работать на финскую разведку во время Гражданской войны в Финляндии и курсировал между Петроградом и Хельсинки, доставляя информацию белым финнам. Когда в 1921 году в Петрограде открыли консульство Финляндии, он номинально числился его служащим, на самом же деле был резидентом финского Генштаба. В 1921-м после подавления Кронштадтского восстания и провала «Петроградской боевой организации» консул Карл Энкель², боясь, как бы Бьёркелунд не попался чекистам, организовал

¹ НИА. D. D. Grimm Papers, 1919–1934. Вох 4. Протоколы заседаний Гельсингфорского отдела «Национального центра» от 11.5, 16.5, 18.5.1922.

² Энкель Карл Юхан Алексис (1876–1959) — финский политик, офицер, дипломат, был первым представителем независимой Финляндии в России; не-

его переезд в Хельсинки, выправил ему дипломатический паспорт, и он путешествовал из России в Финляндию легально, как курьер консульства, заодно выполняя поручения разведки. Когда в 1922-м агентурная сеть, в которой были и люди Бьёркелунда, провалилась и несколько его информаторов оказались под следствием, ему пришлось выйти из игры и остаться в Хельсинки. Его жену, которая все это время жила в Петрограде, арестовали и осудили за доноительство, приговорив к пяти годам заключения. Пока она находилась в тюрьме, умерла их маленькая дочь. Через два с половиной года финская сторона обменяла двух советских агентов на жену Бьёркелунда, и она выехала в Финляндию к мужу. Оправиться от пережитого она так и не смогла, искала забвения в наркотиках и алкоголе; несмотря на то, что в 1928 году родился сын, совместная жизнь оказалась невозможной. Супруги расстались.

Главный персонаж нашего повествования, Кирилл Пушкарев, и его будущие друзья — Виктор Ларионов и Иван Савин — оказались в Финляндии в трагическом 1921-м, запечатленном в истории антисоветской борьбы как год разгрома Кронштадтского восстания и организации Таганцева.

однократно занимал пост министра иностранных дел, представлял Финляндию в Лиге Наций (1920–1926); учился в финляндском кадетском корпусе во Фридрихсхаме, служил в армии в России, хорошо владел русским языком.